

Черные, как смоль, грозовые тучи нависли над прибрежными водами Иберии, словно предвестники великого бедствия. Под аккомпанемент воющего ветра неистово бурлили волны, и по прибрежным городам начала расползаться гнетущая, тягостная атмосфера.

Прилив всё не утихал. Бесчисленные обрывки плоти, покачиваясь под черной, как чернила, водой, то выносились на берег, то вновь утягивались пучиной в морскую глубину.

Темные волны выбросили на песок израненное тело. Белые волосы намокли, шляпа, формой напоминающая спинной плавник рыбы-меча, безвольно лежала на земле. Влага просочилась в щели между кожаными брюками и высокими сапогами, и этот ледяной холод, обволакивающий ноги женщины, не давал ей провалиться в забытие.

Из ран непрерывно сочилась алая кровь. Боль давно притупилась, сменившись оцепенением. Алые глаза настороженно обшарили окрестности, и осознание пришло мгновенно: это не Агол.

Чужеродные, уродливые постройки, бесконечное черное море... Женщина медленно поднялась с песка. Мокрая одежда облепила высокое, статное тело, подчеркивая каждый изгиб.

Сделав шаг в своих сапогах на высоком каблуке, она тонким каблуком поддела лежавшее на песке тяжелое длинное копье. Правая рука в черной кожаной перчатке стремительно метнулась вперед, перехватывая оружие. Наконечник длинного копья прочертил борозду на поверхности пляжа, и в этот миг величие Охотника на морских чудовищ вновь обрело свои очертания.

Гладия исчезла с места, растворившись в гуле окружающего воздуха. Влага на её одежде испарилась в одно мгновение, лишь внутри сапог сохранилась сырость, всё ещё ласкавшая ступни.

Здесь она ощущала бесконечную сухость и зной. Вскоре она остановилась у небольшого углубления, где скопилась пресная вода, и, глядя на свое отражение, принялась смывать с одежды грязь и следы крови.

Гладия терла ткань, наблюдая, как твердые частицы, соприкасаясь с прозрачной влагой, превращаются в кроваво-красные разводы, стекающие с пальцев и капающие на сухую землю.

Была ли это её кровь? Кровь морских чудовищ? Или кровь её товарищей? Она не могла разобрать.

Внезапно Гладия что-то заметила. Она склонилась ниже к лужице, внимательно осматривая свою шею.

Крошечная чешуйка.

Смысл этого находки стал ясен в ту же секунду.

Гладия бесстрастно выпрямилась, откинула назад намокшие волосы и привела в порядок одежду, насколько это было возможно. Затем она стерла с длинного копья остатки плоти и следы крови.

Её безразличные алые глаза устремились вдаль.

Спустя несколько секунд звуковой удар всколыхнул уже не чистую воду в углублении, и остаточный образ, оставленный ею, рассеялся.

Месяц спустя...

Гладия небрежно положила диск с видеозаписью на место. Её ледяной взгляд заставил владельца лавки чувствовать себя как на иголках, но, осознав, что эта высокая женщина, три дня просидевшая здесь неподвижно, наконец собирается уйти, он не удержался и спросил:

— Госпожа... вы закончили?

Женщина медленно поднялась. Цокая каблуками по ветхому деревянному полу, она прошлась туда-сюда, словно всё ещё выискивая взглядом следующий диск.

Владелец тут же всё понял и поспешно согнулся в поклоне:

— Госпожа, это всё, что у меня есть из подобного жанра, прошу прощения...

— Тц.

Гладия с легким сожалением взглянула на владельца, а затем подобрала проектор, на котором только что крутила запись, и на не совсем привычном иберийском языке произнесла:

— Искусство не теряет своей ценности со сменой эпох, даже если его приходится созерцать на столь убогих носителях, искажающих его суть.

Владелец лишь почувствовал, как женщина перед ним превратилась в размытый силуэт. Когда он опомнился, её уже не было — она исчезла, подобно проекции на экране, а в его сознании эхом застыли лишь её последние слова:

— Тебе стоит благодарить судьбу, что ты, в своей трусости и никчемности, хотя бы осознал

ценность этих произведений искусства.

Высокомерные слова задели нервы владельца, но, вспомнив о чудовищной силе этой женщины и о её оружии, от одного взгляда на которое бросало в дрожь, он в итоге затаил всю ярость глубоко внутри.

Гладия вернулась в море. Она стала неуловимым призраком, скользящим в глубинах, а её невероятная скорость заставляла воздух вокруг бурлить, не давая морской воде намочить её одежду.

За этот месяц она так и не нашла пути обратно в Агол, поэтому решила, что ей придется задержаться на суше надолго, и выучила местный язык.

Она обследовала почти все воды к югу от Иберии, избегая патрулей Инквизиции, и успела осознать, насколько здешние люди отстали и невежественны по сравнению с жителями Агола.

Но она всё ещё не могла найти своих собратьев-охотников.

В памяти всплывали имена товарищей. Гладия вынырнула на поверхность. Она ступала прямо по волнам, позволяя пене омыwać подошвы сапог, и сквозь стельки и твердую подошву чувствовала ледяную прохладу моря.

В одно мгновение она оказалась на берегу, взметнув в воздух облако песка.

Ночь уже окутала землю. Гладия стояла под морским ветром, впитывая крупницы столь драгоценной влаги. Она решила отправиться в другой город, что, возможно, означало конец её шансам найти источник воды, способный защитить от иссушения. Перед уходом она пыталась насладиться этой мимолетной сыростью, чтобы противостоять грядущей вечной засухе.

Раны Гладии всё ещё не зажили. Глубокие повреждения, пронзавшие тело, при каждом резком движении заставляли кровь сочиться вновь. Она не стала использовать пищу как источник сил или питательную среду для ускорения регенерации — она лишь ела фосфорных зверей, чтобы поддерживать базовые функции организма.

Она сравнивала свои способности к самоисцелению с регенерацией морских чудовищ. Раньше она и помыслить не могла о том, чтобы ставить их в один ряд, но теперь... она уже кое-что поняла, просто не желала признавать это.

Каблуки и подошвы погрузились во влажный песок, но волны тут же стерли следы. Гладия шла вдоль берега, её волосы развевались, а длинное копье небрежно чертило изящные дуги на песке.

Вдруг она увидела иберийцев, которых здесь быть не должно было. На их лицах играли

сальные, отвратительные ухмылки. Их насмешки, нарушившие тишину ночи, в которой оставался лишь шум ветра, резанули по ушам.

Глаза, скрытые за белыми прядями, заметили мешок, который несли двое из них. Ткань пропиталась пятнами крови, а тот, кто был внутри, уже давно не имел сил сопротивляться, позволяя этим людям тащить себя к океану.

Гладия отвела взгляд от мешка. Ей не было дела до разборок этих ничтожеств, но, похоже, они думали иначе.

— Аголка?

Один из них подошел к ней, пытаясь ухватить за край одежды. Гладия молча отстранилась, и мужчина, промахнувшись, пошатнулся на гладком песке.

Это, несомненно, разозлило всех иберийцев. Они бросили мешок и, подобно банде головорезов, окружили высокую Гладию. Среди этой группы людей, источавших тошнотворный дух, Гладия по-прежнему с высокомерием смотрела на них, как на мусор.

— Не сопротивляйся, аголка! Если дернешься, я доложу Инквизиции, что здесь скрывается незарегистрированная представительница Агола. Ты ведь знаешь, что с тобой тогда сделают!

В глазах главаря сквозила отвратительная жадность. Гладия слегка нахмурилась, видя, как они перекрыли ей путь к отступлению, и холодно усмехнулась:

— Истинно, люди земли... даже уровень вашего воспитания вызывает у меня тошноту.

Она слегка приподняла соблазнительную ногу и кончиком сапога едва коснулась песка.

Окружающие ощутили, как их мышцы и кости ниже колен задрожали от этого «легкого» касания. С Гладией в центре круга песок пришел в движение, погребая людей под собой и навсегда запечатлевая их крики в недрах земли.

Гладия посмотрела в сторону мешка. Кровь продолжала сочиться — было ясно, что человек внутри находится на грани смерти.

Длинное копье с хирургической точностью вспорол ткань, открывая взору Гладии измученную фигуру.

У той были мягкие длинные белые волосы, кроваво-красные, но потускневшие глаза, а на безжизненной коже виднелось бесчисленное множество шрамов — старые и новые раны почти полностью покрывали её хрупкое тело.

<http://bllate.org/book/21352/2169806>